

наиболее активно пополнявшуюся на протяжении XIX в. и самую обширную группу составляли имена на *-ист* со значением лица по его отношению к общественно-политическому, научному, религиозному, философскому направлению или к системе взглядов, учению, связанным обычно с именем деятеля, например: *байронист, бонапартист, дарвинист, шеллингист, шиллерист* и др.» (стр. 89). «Довольно многочисленным был сформировавшийся в XIX в. разряд имен на *-ист*, обозначающих специалистов в различных областях науки и техники, например: *арабист, грамматист, криминалист, лингвист, славист* и др.» (стр. 90). Далее приводятся интересные данные о развитии и представленности данного словообразовательного типа в конце XIX в. и в XX в.

Интересны также разделы о дериватах с суффиксами *-арь, -щик*, а также сводный раздел «Другие дериватемы».

Синонимичными признаются лишь те образования, которые не только имеют сходное значение, но и синхронны, в частности, фиксируются в сходных значениях каким-либо одним и тем же словарем или отмечаются в памятниках письменности одной эпохи. За всем этим автор следит очень внимательно: «триада *скворечник — скворечница — скворечня*, впервые полностью зафиксированная в Сл. Даля, оказалась наиболее жизненной» (стр. 198). Другая триада *кофейник — кофейница — кофейня* впервые фиксируется в словаре Академии Российской, но «составляющие ее никогда не были семантически равноценными дублетами» (стр. 198): *кофейник* — это обозначение сосуда для варки кофе, *кофейница* — это обозначение сосуда для хранения кофе, а *кофейня* — «дом, где продают приготовленный напиток из кофею» (Словарь Академии Российской). Или еще: «Издавна семантически различаются *чайник* и *чайница*, объяснение значений которых в современных словарях совпадает с толкованием их в САР» (стр. 194). Из частностей укажем здесь на интересные замечания автора о слове *вратарь* (стр. 36), *обуешик* (стр. 74). В книге

широко используется метод количественной характеристики явлений.

Критических замечаний у нас немного: 1) стилистические характеристики (в соответствии с церковными, светскими и деловыми источниками) даны при каждом отдельном слове, а в последующем тексте обобщаются лишь частично и эпизодически. В этом плане нужны более систематические и более полные обобщения; 2) «Заключение» оказалось недостаточно конкретным; 3) сомнительная принадлежность к *nomina concreta* от *nomina concreta* слов *караульщик* (стр. 58), *авонарь* (стр. 29), неприемлемо членение слова *пастух* на *паст-ух* (стр. 12); 4) в общей характеристике предшествующих современному русскому языку исторических периодов развития языка А. Бартошевич остается в пределах широко распространенных, но мало убедительных представлений: раньше в языке не было ничего определенного, все только складывалось, иногда «экспериментировалось» (XVIII в.), постоянно были какие-то переходные состояния и т. п., и только в XIX в. «устанавливаются и окончательно стабилизируются общелитературные словообразовательные нормы» (стр. 205). А между тем язык всегда более или менее нормативно установлен и в то же время никогда окончательно не устанавливается, он всегда в движении и развитии и в то же время всегда обслуживает общество и только в отдельные исключительные, действительно переходные периоды обычная картина неустойчивого равновесия значительно нарушается (такие периоды и состояния требуют, конечно, особого объяснения). Но это, однако, замечание не только по поводу книги Бартошевича.

Книга в целом — весьма ценное научное сочинение, демонстрирующее большую систематически собранный языковой материал, обработанный и упорядоченный с привлечением количественных характеристик в историческом, стилистическом и семантико-словообразовательном отношениях. Он будет полезен для изучения общей истории русского словообразования.

А. И. Моисеев

A. Mielczarek. Z zagadnień leksykografii encyklopedycznej.
— Warszawa, Państwowe wydawnictwo naukowe, 1972, 200 стр.

Лексикографы стремятся в последнее время проводить научный анализ на тех участках словарной работы, которые до последнего времени считались «малолингвистичными» и вообще «нелингвистичными». Связь теории лексикографии не толь-

ко с лексикографической практикой, но и с экстралингвистикой (с теорией информации, социологией, педагогикой) очевидна.

Именно в свете этих идей можно рассматривать попытку польского лексико-

графа А. Мельчарек изложить принципы построения энциклопедий в рецензируемой монографии «Из задач энциклопедической лексикографии». Выход в свет этой работы можно признать актуальным не только для польской, но и для советской лексикографической науки, учитывая, что пока никаких сколько-нибудь серьезных исследований в этой области сделано не было. До сих пор энциклопедии (в том числе БСЭ) снабжались лишь предисловиями к изданиям или газетными заметками разного объема.

Книга распадается на шесть глав с предисловием, введением и послесловием. В предисловии и послесловии, написанных соответственно Я. Токарским и В. Крышевским, указывается на отправные моменты в исследовании А. Мельчарек, на задачи энциклопедической лексикографии, на трудности лексикографа при составлении энциклопедии и на лингвистические основы этой области лексикографии.

Во «Введении» автор подчеркивает полемический характер своей книги. Все исследование строится как на достижениях польской прикладной лексикографии, так и на теоретических трудах польских и советских авторов (В. Дорошевского, С. Скорупки, Л. В. Щербы, О. С. Ахмановой, Л. А. Булаховского). В работе над монографией были учтены идеи и методы французских семасиологов-лексикографов, выдающегося испанского лексикографа Х. Касареса и других зарубежных исследователей. А. Мельчарек, принимавший участие в создании польских энциклопедических изданий, попытался обобщить личный опыт и редакционную практику ряда специальных издательств мира. Определяя «лексикографию» как науку, которая занимается «теорией и практикой разработки словарей и энциклопедий» (стр. 21), А. Мельчарек подчеркивает, что эта дисциплина все больше становится теоретической базой для работы редакционно-издательского аппарата.

Традиционно отделяя теоретическую лексикографию от практической, автор указывает на диспропорцию в развитии этих двух аспектов и на бедность лексикографической методологии. Теоретическую лексикографию, по мнению автора, можно разделить на «словарную» и «энциклопедическую» (стр. 22). Если словарная лексикография распадается на лексикографию разноречивых и национальных словарей, то энциклопедическая лексикография может распадаться на лексикографию «систематических» и «алфавитных» энциклопедий (стр. 22). Предметом исследования автора становятся только «алфавитные» энциклопедии, так как, по мнению автора, именно этот вид энциклопедий преобладает в редакционно-издательской практике.

Связывая энциклопедическую лексикографию с составлением национальных словарей, автор ищет черты, общие для обоих разделов науки, и через теорию построения национальных словарей стремится найти для интересующей его области опору в языкознании, в частности, в лингвистической семантике. Этим, без сомнения, трудным, но верным путем идет автор при анализе всей богатой проблематики книги.

А. Мельчарек следующим образом формулирует задачи своего исследования: а) выяснение вопроса о функциях энциклопедических изданий, б) изучение принципов разработки энциклопедической информации с учетом условий сегодняшнего дня, в) анализ возможностей для улучшения методов построения алфавитных энциклопедий. Указанные задачи детализированно раскрываются в корпусе монографии.

Гл. 1 «Функции энциклопедических изданий» открывается очерком о происхождении и историческом развитии энциклопедий. Автор сообщает много интересных сведений о развитии этой области лексикографии — от эпохи древних цивилизаций через Средневековье и эпоху Возрождения до наших дней. Любопытно описываемая автором картина взаимной связи и взаимного влияния энциклопедических изданий мира во все времена.

Бегло коснувшись вопроса о первых русских энциклопедиях, А. Мельчарек более подробно характеризует историю польских энциклопедий. Представляются ценными сведения о тенденциях в функциональном развитии энциклопедий мира. Так, А. Мельчарек отмечает, что в древнем мире функция энциклопедий сводилась к «синтезу общих знаний», а в период Средневековья возникновение новых функциональных тенденций было связано с необходимостью отделения специальных знаний (вначале знаний в области религии) от общих сведений о мире. Стремление автора не ограничиваться описанием фактического материала, каким бы интересным он ни был, а выявлять тенденции в развитии энциклопедических изданий, представляется весьма положительной чертой монографии.

В современную эпоху узкой специализации наук значение энциклопедий особенно велико. Ни один специалист не в состоянии изучить тот огромный материал, который разрабатывается в тысячах научных журналов. «Универсализм» энциклопедии как одна из ее функций уже давно не абсолютен. Указывая на трудности лексикографа, комбинирующего «универсальную» и обобщенную информацию с многочисленными частными сведениями и на противоречивость этих двух тенденций, автор, к сожалению, избегает каких-либо рекомендаций для решения этого сложного вопроса.

А. Мельчарек указывает далее на общественно-идеологическую и общекультурную значимость современных энциклопедий, ссылаясь на традицию, восходящую к «Большой французской энциклопедии» Д. Дидро и Ж. Даламбера. На вопрос о соотношении между научной подлинностью сведений и идеями основателя А. Мельчарек дает однозначный ответ: «Для современного энциклопедиста... научность энциклопедии не находится в противоречии с ее идейными основами, если только они соответствуют действительному общественному прогрессу» (стр. 47).

Стремясь пролить свет на вопрос о месте энциклопедий среди других лексикографических изданий, автор специально останавливается на употреблении терминов «энциклопедия», «справочник», «словарь», «лексикон». А. Мельчарек замечает, что в лексикографической и издательской практике все эти термины часто смешиваются. С целью удовлетворить читателя-неспециалиста в «энциклопедию» сравнительно небольшого объема все чаще помещается информация широкого экстралингвистического мира. Читатель-специалист в поисках интересующей его информации может также обратиться к «энциклопедии». Но вначале такой читатель, по-видимому, обратится к «справочнику», когда он захочет получить сведения о значении специального термина. «Справочник», по А. Мельчареку, это — издание «узкоспециализированное», содержащее точные сведения о «технических деталях» (стр. 48). И «энциклопедия», и «справочник» имеют дело с денотатами экстралингвистического мира; различие между ними состоит в степени специализации разрабатываемых понятий. По мнению автора, информация энциклопедического типа может подаваться также в «лексиконе», который является своего рода «малой энциклопедией». Автор считает, что «лексикон» занимает промежуточное место между «энциклопедией» и «словарем». Говоря о «лексиконе», автор имеет в виду «срединное» место издания этого типа только с точки зрения объема информации. По характеру материала и по функции лексикон приближается к «энциклопедии». Такая трактовка «лексикона» не является единственно возможной: английский автор К. Уиттейкер определяет «лексикон» (lexicon) как «словарь», содержащий лексику древних, мертвых языков. Принципиального различия между «лексиконом» и «словарем» К. Уиттейкер не усматривает. Таким образом, замечания А. Мельчарека по поводу употребления термина «лексикон» оказываются спорными. «Словарь» как основной тип справочных изданий определяется А. Мельчарек (вслед за В. Дорошевым) как справочник, в котором описываются «значения» слов и «формы связи» этих слов с десигнатом. Основное разли-

чие между «энциклопедией» и «словарем» состоит, по мнению автора, в характере дефиниций. Нам представляется такая позиция совершенно правильной. Стремление автора провести строгое разграничение терминов «энциклопедия» и «словарь» имеет принципиальное значение, поскольку в лексикографии бытует выражение «энциклопедический словарь». Досадно, что А. Мельчарек обходит молчанием вопрос об употреблении других терминов, обозначающих типы лексикографических изданий и соотносящихся с «энциклопедией». Ничего не сказано, в частности, о корреляции терминов «энциклопедия» — «тезаурус». Основы наших знаний о типах справочных изданий, заложенные еще Л. В. Щербой, пока слабо развиваются лексикографами¹.

В гл. 2 «Дефиниция и дефинирование в энциклопедической лексикографии» автор останавливается на характеристике логического аспекта дефиниций. Логическая дефиниция состоит из следующих компонентов: из «определяемого», «дефинитивной связки» и из «определяющего члена». Однако не всякое высказывание, построенное по этой схеме, равно логической дефиниции. Последняя предполагает относительно точное и строгое определение. В терминах энциклопедической лексикографии дефиниция понимается более узко: лексикографическая дефиниция соответствует лишь компоненту «определяющий член» в дефиниции логической. Эта особенность имеет важное следствие: на передний план выдвигается семантика заголовочного слова. Не всякое определение является лексикографической дефиницией. В отличие от частной информации, от описания конкретного индивидуума, лексикографическая дефиниция должна характеризоваться достаточной степенью обобщения. Прочие высказывания подразделяются автором на «утверждения» (stwierdzenia) и «определения» (określenia). В «утверждении» выражается отношение автора к объясняемому десигнату, а в «определении» дается объективная информация о десигнате.

Идеи такого рода не вызывают у нас сомнений. Эти принципы явно восходят к традиции, идущей от Х. Касареса². Заметим, что отдельные советские лексикографы специально занимаются изучением логического аспекта и содержания дефиниций³. К сожалению, А. Мельчарек не касается в своей работе формул тол-

¹ Л. В. Щ е р б а, Опыт общей теории лексикографии, ИАН ОЛЯ, 1940, 3.

² Х. К а с а р е с, Введение в современную лексикографию, М., 1958, стр. 174—175.

³ Д. И. А р б а т с к и й, Об основных функциональных типах семантических определений, сб. «Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии», Пермь, 1972, стр. 23—27.

кования, структуры и типологии дефиниций — словом, всего того круга вопросов, которым посвящается ныне все большее число трудов советских лингвистов (А. М. Бабкин, И. В. Арнольд, В. А. Москович и др.).

Последовательно опираясь на семиологию и лексикологию, автор в гл. 3 «Полисемия и синонимия слова» специально останавливается на вопросах полисемии и синонимии. А. Мельчарек считает существенным для энциклопедической практики отличать «этимологическое» значение слова от значения «реального», а внутри последнего выделять различного рода узкие оттенки и переносные значения. Остается, однако, неясным, в каком именно направлении строится семантическая иерархия. Нельзя не согласиться с автором, когда он высказывает мнение, что лексикограф должен заботиться о воспитательном значении энциклопедического труда.

Вызывает сожаление то обстоятельство, что А. Мельчарек, говоря о синонимии и подробно анализируя примеры из военной отраслевой терминологии, оставляет лишь один (последний) абзац соответствующего параграфа для собственно лексикографической разработки синонимии в энциклопедии.

В гл. 4 «Структура алфавитной энциклопедии» А. Мельчарек останавливается на некоторых сложных вопросах энциклопедической практики. В частности, автор интересуется критерии отделения всеобщей энциклопедии от энциклопедий специальных, а также методы отбора слов для специальных энциклопедий. А. Мельчарек считает, что всеобщая энциклопедия не может претендовать на «универсализм». Вместе с тем она должна быть достаточно полной, чтобы удовлетворить любого читателя со средним образованием. Читатель же с высшим образованием больше заинтересован в специализированном энциклопедическом издании. Последнее по своему содержанию должно соответствовать уровню современного специалиста, если учитывать, что не менее 50% всех его знаний составляют так называемые общие знания (в том числе — гуманитарные), 25% — знания из областей, смежных со специальностью, и только около 25% — знания из специальной области. Соответственно и для отбора словника для специализированных энциклопедий нельзя, по мнению автора, ограничиваться только специальными словами-понятиями. В центре внимания энциклопедиста должен быть вопрос о частоте употребления термина и о степени его связи с конкретной областью науки. Решая вопрос о включении термина в специализированную энциклопедию, лексикографу нужно исходить из чисто языковых особенностей термина и из определенной методологии. Так, существенными могут оказаться словообразова-

тельная традиция для ряда сочетаний с прилагательными (*broń wojskowa*, *magazynarka wojenna*) и анализ влияния на нормативное употребление со стороны исторического фактора. Думается, однако, что в этом месте монографии А. Мельчарек переоценивает роль диахронического анализа. Наиболее рациональным, с точки зрения автора, методом классификации слов является метод выявления их «понятийных центров» (*centra pojęciowe*). Лексикографа при этом не должно смущать то обстоятельство, что порой понятийные центры слов, относящихся к конкретной дисциплине, находятся в совершенно иной области знаний. Указанный метод несомненно сближает энциклопедическую практику с лингвистической теорией семантических полей.

В гл. 5 «Словник» речь идет о проблеме словника энциклопедий в сопоставлении со словником словарей. Заголовочное слово определяется как автономная лексикографическая единица, и принципы его подачи в энциклопедии разрабатываются в соответствии с этим определением. В отличие от словаря, энциклопедия подает преимущественно основные, исходные термины и избегает разработки терминов производных. Энциклопедист избегает также подачи нескольких (вариантных) словоформ, называя лишь основную форму слова. Составляя всеобщую энциклопедию, лексикограф предпочитает включать в нее, в основном, те термины, которые уже приблизились к словам повседневного обихода. Автор кратко перечисляет также возможные типы энциклопедических статей и (что немаловажно) указывает на разные возможности построения лексикографической отсылки. А. Мельчарек уделяет внимание и такому частному, но существенному вопросу, как вопрос о методах, облегчающих поиск информации в энциклопедии. Очень интересна сама по себе постановка проблемы размеров словарной статьи, но, к сожалению, автор ограничивается критическими рассуждениями по поводу невозможности строгого подхода к ее решению и на этом основании не дает никаких рекомендаций.

Последняя (шестая) глава «Структура словарной статьи» содержит весьма важные сведения о структуре статьи в энциклопедии. Автор охватывает широкий круг вопросов — от графики заголовочных слов до расположения значений и критериев корректности дефиниций. Представляется положительным, что А. Мельчарек достаточно глубоко раскрывает проблему помет. Роль помет («квалификаторов») состоит не только в том, чтобы указывать на принадлежность заголовочного слова той или другой отрасли науки, но и в том, чтобы приводить в соответствие содержание и объем статьи со сферой употребления заголовочного слова. Иначе говоря, пометы-квалифика-

торы сужают значение заголовочного слова и тем самым уменьшают объем статьи. Автор выдвигает следующие критерии правильности дефинирования: 1) достаточность информации, обозначенной определенным термином и 2) доступность формулировки для читателя. Эти условия не вызывают сомнений. Что касается порядка следования значений в энциклопедической статье, то первым, по мнению автора, должно располагаться наиболее актуальное значение. Соответственно последнее значение должно подаваться последним по порядку. Эти соображения нам представляются справедливыми. Глубокие и интересные наблюдения высказываются автором также по поводу методов

отсылки, элементов историзма в энциклопедии и по содержанию статьи.

Несмотря на спорность отдельных решений, работа А. Мельчарка представляется весьма ценной для лексикографов-теоретиков, лексикографов-практиков и для издателей. Автору удалось не только определить задачи энциклопедической лексикографии, но и указать на всю богатую проблематику данной области науки. Для того чтобы в дальнейшем более полно раскрыть некоторые из проблем (словник, толкование, полисемию и др.), потребуются специальные, более узкие монографические исследования. Путь к ним открыт трудом А. Мельчарка.

А. Е. Карпович

Л. Г. Скрипник. Фразеологія української мови. — Київ, «Наукова думка», 1973, 280 стр.

Украинская фразеология, если сравнивать ее с усиленно разрабатываемой русской и белорусской, оставалась до последнего времени наименее исследованной областью языкознания. Монография Л. Г. Скрипник успешно восполняет этот пробел и создает предпосылки для синтетического анализа фразеологического фонда восточнославянских языков. В этом труде дается достаточно полный обзор украинской фразеологии, анализируются структурно-грамматические и семантические аспекты ее функционирования, раскрываются источники ее происхождения. Опытный лексикограф-украинист, составитель и редактор многих словарей, Л. Г. Скрипник собрал огромный фактический материал, который обеспечивает объективность большинства теоретических выводов работы.

Структура книги, состоящая из 11 глав, отражает наиболее актуальные аспекты анализа фразеологических единиц (далее — ФЕ). В трех первых главах монографии определяются задачи фразеологии как лингвистической дисциплины (стр. 5—8), описываются основные лингвистические параметры ФЕ (стр. 9—12) и на украинском материале демонстрируются различные способы их классификации (В. В. Виноградова — Н. М. Шанского, Б. А. Ларина, Л. А. Булаховского, С. Г. Гаврина, В. Л. Архангельского, М. Т. Тагиева — стр. 13—23). В IV главе (стр. 24—72) рассматриваются особые «жанровые разновидности» украинской паремии (пословицы, поговорки, крылатые слова). Особо исследуются проблемы взаимообусловленности содержания и формы ФЕ (гл. V, стр. 73—79), дается структурно-грамматическая типология ФЕ и выявляются их синтаксические функции (гл. VI, стр. 80—101), анали-

зируется их лексический состав (гл. VII, стр. 102—119). Большое место отведено вариатности (гл. VIII, стр. 120—148) и системным отношениям — прежде всего полисемии, синонимии и антонимии — в сфере фразеологии (гл. X, стр. 192—232). Очень детально описываются источники украинской фразеологии (гл. IX, стр. 149—191) и история ее изучения и лексикографического описания (гл. XI, стр. 233—274).

Л. Г. Скрипник придерживается традиционного взгляда на ФЕ, определяя последнюю как «лексико-грамматическое единство двух и более раздельно оформленных компонентов, грамматически организованных по модели словосочетания или предложения, единство, которое при наличии целостного значения воспроизводится в речи по традиции, автоматически» (стр. 11). Автор вслед за Н. М. Шанским и В. Л. Архангельским широко понимает фразеологию, в границы которой включаются не только устойчивые словосочетания, но и пословицы, поговорки и крылатые слова (стр. 69). Нужно сказать, однако, что в книге в основном анализируются устойчивые словосочетания.

Одна из задач работы — показать динамизм фразеологической системы украинского языка. По мысли Л. Г. Скрипник, он проявляется в двух противоположных тенденциях: живое функционирование ФЕ, возникших в далеком прошлом, и постоянное обновление фразеологического фонда (стр. 185—186). Автору удалось показать этот динамизм, анализируя широкую вариатность ФЕ. Детальная классификация фразеологических вариантов опирается на обильный материал, собранный Л. Г. Скрипник как в литературных источниках, так и методом анкетирования.